

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«КАК У ВЗРОСЛЫХ, ТОЛЬКО...»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи! В № 34 нашей газеты от 18 июля 1987 г. была опубликована статья Н. Каминской и А. Соколянского «Как у взрослых, только...», касавшаяся деятельности Московского театра юного зрителя, авторами которого мы являемся. Она вышла у нас немедленно и мы немедленно обратились к вам за разъяснениями.

Если авторы статьи, публикуемой в столь авторитетном и популярном органе печати, считают «замыкать узел исчерпанным временем театральным конфликтом, заключенным собой ситуацией, типичную для нашего театрального искусства...», мы были вправе ждать от них объективного анализа тех проблем, которые для нас являются несущими. Тем статью, тенденциозность привходящих в ней соображений, субъективность в интерпретации упоминаемых событий для нас оскорбительны.

Авторы ошиблись, полагая, что Мюз, переболев «эпидемией», грозилый верой в эстетическую болезнь, настолько одержим желанием сохранить свои амбиции, что окончательно потерял самоощущение.

Нас удивляла превращенность авторов и предвзятость своего исследования. Хотелось бы знать, кого конкретно они имели в виду, утверждая: «Среди тех, кто сплотившись вокруг потенциального главного режиссера, парадом отказались пойти, просто пошевелив, куда ветер дует...». В числе возможных автором безоговорочных и последовательных сторонников назначения Г. Н. Яновской, и. о. главного режиссера театра, — народная артистка СССР Л. Н. Кизилева, народный артист РСФСР В. К. Горелов, девять (из двадцати работающих в театре) заслуженных артистов республики. Для очевидного большинства группы вопрос «А почему мы должны беспрекословно подчиняться!», правомерный с точки зрения Каминской и Соколянского, вообще не стоял. Откуда уверенность, что «Режиссеру... пришлось с дипломатическим изворотливостью искать поддержку и нащупывать точки опоры внутри коллектива? Наконец, какие «...ее не в меру резкие сторонники загода вымогали подписи под бумагой, требующей немедленного назначения тов. Г. Н. Яновской на пост главного?» И по какому моральному праву авторы даются с миллионной аудиторией «Советской культуры» надобой, что «Яновская действительно имела...» об этой акции? Мы читаем: «Сплетни, расклевывание — говорить обо всем этом подробно и конкретно просто не хочется и абсолютно сомнительно с Каминской и Соколянскими — не хочешь, но если эти люди достигли широкой общественной ситуации, сложившейся в театре, пусть называют свои имена». В этом случае флер недостоверности, полуправды, большой, чем опубликованная, осведомленности вызывает у нас сомнения в искренности желания авторов статьи помочь театру выйти из сложного положения. Не очень понятно, какими источниками информации они пользовались. И если бы авторы интересовались протоколами (совсем не секретными) заседания художественного, принимавшего спектакли режиссера-композитора, возможно, у них отпали бы сомнения в том, что действительно творческие соображения помешали большинству членов художества проголосовать «за». Там же, кстати, запротоколированы выступ-

ления Вулфа, Седли, Дмитриевского, который авторы статьи, надев маску, подбирают от упреков в крайностях авторитарного иерархического сознания. А утверждение заявление «Да, Яновская в детском театре никогда не работала...» (о деятельности Генриетты Науменко в Красноярском театре юного зрителя хорошо известно не только специалистам по театру) выглядит не просто неопозитивной профессиональной небрежностью, но сознательным искажением действительного положения вещей. Закономерен вопрос: кому это нужно? Кто же действительно «развивает страсти, провоцирует конфликты, спекулирует на извращениях, на недостатках...».

«Самые главные не бьются, они ищут и спешат в своей массе. Они работают на два фронта, они есть на всех фронтах. Там, где нечисто, они заводятся сами собой...» — хотелось бы понять, что же конкретно имелось в виду авторами статьи, когда они так обнаруживали выхолащивание всех зол. Почему бы им не поделиться своим знанием? С кем именно должны распрощаться Г. Н. Яновская, «...ударившая талантами и порядочных людей...», и с кем не должна «...в разгаре беглой жизни: дать оправдывает средства? И как сочетать авторскую, нами разделяемую, ответственность со следующим в статье чуть дальше предложением выйти из ситуации «...как угодно, лишь бы дело было стоило?».

Статья вообще щедрна на советы. «Получено для себя и «своих» авторов право целесообразно строить молодежный театр...», Яновская получила от авторов статьи и целый ряд почти ультимативных рекомендаций, как именно ей его строить: «С очередным режиссером, с приглашенными постановщиками, в порядке самостоятельности работ...» Даже «разномыслие пусть будет, но...» «Как у взрослых, только...».

Может быть, но совсем вразумил Н. Каминская и А. Соколянский оглашать эти «но» и «только»? Неумело: как трудно задать себе знаменательный вопрос: насколько сами готовы в том, чтобы требованию новой жизни соответствовать? И справедливо замечание о том, что «Мюз общественные организации в эстетической для коллектива моменты использовать свои полномочия в целях, далеких от пользы детей, а не меньшей ставкой приминимо с нашей точки зрения и к авторам статьи. Нашему театру, безусловно, нужна помощь, но помощь деликатная и заинтересованная. К величайшему сожалению, и тогда, и другого мы в статье не обнаружили».

Нам известно ли оно новых осложнений в Московском театре и в многочисленных театрах, находящихся в сложной с нашей ситуацией?

Это особенно важно знать сейчас, «когда в театре больше упования, чем достижений, больше проб, чем результатов, а больше всего конфликта и вечного обид».

Благодарим за внимание и рассчитываем, что наши вопросы не останутся без ответа.

С уважением

В. ДОЛГОВОКОВ, заслуженный артист РСФСР;
Н. МИХЕЕВ, заслуженный артист РСФСР;
И. ПОДЪПОЛЬСКАЯ, заслуженная артистка РСФСР;
Л. ГАРНИЦА, артистка; А. ВДОВИН, артист; А. ЖУКОВ, артист.

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Это письмо не было для нас неожиданностью. В статье рассматривалась болезненная ситуация, и реакция следовало ждать тоже болезненной. От нашей статьи, видимо, прежде всего ждали ответа на вопрос: кого поддержать? Кого объявить правым, кого — виноватым? Шестерым артистам Мюз раздосадовала попытка понять обе стороны конфликта и обман мы сторонам напомнить, что творческий спор предполагает борьбу только творческими средствами.

Почему в редакцию пришло одно письмо, а не два — тоже пакотно. Это письмо не только «безоговорочным и последовательным сторонником» Генриетты Яновской, это — письмо тех, на чей стороне сейчас успех. Письмо победителей — ведь спектакль «Собачья сердца» — безусловная и заслуженная победа.

Известно, что спор плодотворен лишь тогда, когда у спорящих есть точки соприкосновения. Поэтому мыслим для начала, с чем авторы письма не спорят.

Не спорят с высказанной шестерью спектакля «Собачья сердца» и, в частности, своих работ в спектакле. Не спорят, что конфликт был, и был таков. Не оспаривают тех упреков, что сделаны по чужим адресам — по адресу управления культуры Мосгорисполкома, общественных организаций театра, группы «Противники» Г. Яновской, совершивших ряд недостоверных и неэтичных поступков. И подтвержденный не требуют — тут для нас все ясно и бесспорно.

Наше нежелание порочить сакральные подробности конфликта замечено, поощрено, но тут же и сброшено со счетов. Даже и сиренировано насчет «большой, как опубликованная, осведомленности». Кем-то: действительно, знаем больше, чем сказали. Но обдумано не предельно помноженным озвучиванием в дни, когда писали статью, не сделав этого — сейчас, в минуту обиды. Гласность гласностью, но ведь стыд тоже надо иметь.

Есть такая детская игра — «жуки». Водящий стоит, замирившись, а остальные лезают от его спины. На удачу, кто ступит — получишь слова. Понимаю, что артисты Мюз решили сыграть с нами в жуки — и в момент они нам, когда мы обобщаемся.

Впрочем, мы избегали называть известных нам имена и события не только из боллив обиды и пренебрежительной шепотливости. Сама вода была мила. В ней изодило почувствовать удары, рассыпанные во все стороны врандужидым тизозамом, а не устанавливая связи конкретного вулака с конкретным синимом.

Кто организовывал письмо с требованьем назначить Яновскую главным режиссером, как собирались подписи, как там оказались фамилии людей, диким спуте подписавших письмо «против Яновской», мы знаем. Концы этих писем вместе с другими документами, касающимися «тиозовских событий», лежат в редакции. А вы — неужели забыли?

Верой в то, что об этой «магии» действительно не знала Генриетта Яновская, талант которой вызывает у нас глубокое уважение, мы дадимся с читателями газеты на том простом основании, что действительно в это верим. И все.

Думать, что тизозцы разделились на сторонников и противников и. о. главного исключительно по причинам идейно-художественным, было бы именно. Завбета о собственном благополучии роль свою скрывала, и зред ли авторы письма этого не понимали.

Они также понимают, что угрожать кого-либо конкретному в конъюнктурных выборах сразу же после того, как выбор сделан, и тут же доказать это — вещь почти невозможная. Время докажет. Промыслив фразу «среди тех, кто сплотившись вокруг...» и т. д. на себя — делаю себя каждого. Но в письме этот упрек напрямую переадресован людям, которым он заведомо адресован не был.

Людям, чья творческая честность не вызывает сомнений, — Л. Кизилевой и В. Горелову. Это называется поощрением. Некрасиво.

Единственным, в чем мы должны безоговорочно повиниться, — это досаднейшая ошибка, искажающая смысл важной фразы в статье. Неизученная выписка в заглавие самореклаширования, жалко сказать, что Яновская никогда ни в детском, ни во «взрослом» театре не работала главным режиссером, сказали: «Да, Яновская в детском театре никогда не работала». Мы приносим извинения Генриетте Науменко, тем более что знаем о ее работе в Красноярском театре много хорошего.

И, наконец, последняя: разбросанные по письму обвинения в тенденциозности, субъективности, неадекватности впадают в вопрос: «Не вышло ли оно (статья) новым осложнением в Московском театре?».

Отвечая: это зависит от того, как непримиренные творческие работники Мюз, в том числе и вы, уважаемые авторы письма, будут отстаивать свои творческие позиции.

Если бы ситуация в Московском театре могла разрешиться так, что творческий коллектив пришел бы к воссоединению — не насильственным, а органическим, — это было бы огромной радостью. Но на сегодня (если положение не изменилось с конца прошлого сезона) в театре не одна труппа, а две группы артистов. Одни — из большинства, — вращая Генриетте Яновской и уже поминные вместе с ней первый триумф, увлечены созданием театра для молодежи. Другая, среди которых значительная часть одаренной и работоспособной молодежи театра, хотят и могут работать для детей. Просят они только одного — хотя бы относительной творческой самостоятельности. Несмотря на то, что и эта группа, разумеется, неоднородна, несмотря на то, что в конфликтной ситуации члены этой группы совершили крайне неприглядные поступки (кто и как — опять же лучше знать авторам письма), они, по нашему мнению, имеют право реализовать себя либо продемонстрировать неспособность своим претензиям на сцене Мюз. Заметим, что необходимость сочетать в работе Мюз «мелодичные» и «адаптированные» постановки авторами письма не отрицается. Заметим также, что, превращая пожелание найти режиссера, способного увлечь «театр, кому дорожно и близко эстетика детского театра» (приглашающим, очередным и т. д.), в ультимативную рекомендацию Г. Яновской, авторы письма доказали, что статью они прочли неаккуратно.

В нашем театре (и не только в театре) практически нет опыта мирного сосуществования людей, принципиально друг с другом несогласных. Если две группы Мюз останутся под одной крышей — им предстоит долго и трудно учиться взаимной терпимости. Урок может быть таков, но исполнение «коррентного соперничества» не даст плоды на менее зрелые, чем тот большой театральный эксперимент, участниками которого Мюз не является. Такой моральный опыт дорог и важен современному театру — но и это не следует понимать, как наш «совет» Мюзу.

Единственный совет, на котором мы настаиваем, — или, если хотите, на совет, а заключение, — содержится в фразе, которая в письме приведена не полностью: «Разномыслие пусть будет, но...». Полностью она звучит так: «Пусть не будет полного единомыслия, но пусть разномыслие будет уважительным и достойным».

Хотелось бы, чтобы этот совет оказался исполнимым. Хотелось бы, чтобы достигший в театре было больше, чем упований, результатов не меньше, чем проб, а вечных обид — как можно меньше. Желаем вам этого искренно.

С уважением

Н. КАМИНСКАЯ,
А. СОКОЛЯНСКИЙ.